

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / З. Бауман. — М., 2002. — 390 с.
2. *Генисаретский О.И.* Проблема культурной идентификации и практический смысл формирования внутреннего и внешнего образа территории. Доклад на семинаре в Петрозаводске в 1998 (из архива Центра культурных инициатив Карелии [Электронный ресурс] / О.И. Генисаретский. — Режим доступа: <http://www.culturalmanagement.ru/infocenter/?cid=2&aid=850> — Загл. с экрана.
3. *Каганский В.Л.* Методологические основания регионального анализа как культурной практики [Электронный ресурс] / В.Л. Каганский. — Режим доступа: <http://www.name.ru/kagansky/region.html>
4. Концепция развития Ханты-Мансийского автономного округа, 1998 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.adhmao.ru/economic/strateg/koncept/koncept.pdf>
5. Краеведческая книга, 2008: библиограф. указ. лит. о Ханты-Манс. авт. окр. — Югре. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2010. — 108 с.
6. *Левинтов А.Е.* К понятию регион [Электронный ресурс] / А.Е. Левинтов. — Режим доступа: <http://www.circle.ru:8101/kentavr/rub1.html>
7. Местная печать 1932—1998: ретроспектив. библиогр. указ. печати, изданной на территории Ханты-Манс. авт. окр. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2004. — 48 с.
8. Местная печать 1999—2000: ретроспектив. библиогр. указ. печати, изданной на территории Ханты-Манс. авт. окр. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2002. — 48 с.
9. *Тюгашев Е.А.* Концептосфера современной Югры: дискурс Александра Филипенко // Северный регион: Наука, образование, культура. — 2003. — № 1. — С. 87—91.
10. *Хёсле В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопр. философии. 1994. — № 10. — С. 112—123.
11. *Bassand M.* Culture and regions of Europe / M. Bassand. — Strasbourg, 1993. — 213 p.
12. *D'Angelo M.* Cultural policies in Europe: a comparative approach / M. D'Angelo, P. Vesperini. — Strasbourg: Council of Europe, 1998. — 223 p.

*Иллюстративный материал
предоставлен автором статьи*

БВ

Книга и время

**Валентина Георгиевна
Науменко,**
*профессор Российского
государственного социального
университета,
доктор филологических наук*

«История России в рассказах для детей» А.О. Ишимовой: оценки современников

Статья посвящена критике «Истории России в рассказах для детей» А.О. Ишимовой в «Переписке Я.К. Грота с П.А. Плетнёвым» и рецензиях В.Г. Белинского.

Ключевые слова: история, Россия, дети, А.О. Ишимова, Я.К. Грот, П.А. Плетнёв, В.Г. Белинский.

Известная детская писательница Александра Осиповна Ишимова сделала подарок детям на Новый 1841-й год — «Историю России в рассказах для детей» (1834—1841), изданную в типографии Императорской Академии наук. Оценка этой книги содержится в переписке друзей

А.О. Ишимовой — Я.К. Грота, профессора русского языка, литературы и истории в Гельсингфорском университете, и П.А. Плетнёва, ректора Санкт-Петербургского университета, чью дочь Оли воспитывала Александра Осиповна. Писал на нее рецензии В.Г. Белинский.

Об авторе «Истории России в рассказах для детей» и многих других сочинений для малолетних и подрастающих чад сохранилось много сведений в журналах, альманахах, бюллетенях, энциклопедиях, словарях и других источниках. Начиная с 1992 г., сочинения А.О. Ишимовой, впервые после 1890 г., переиздаются московскими, петербургскими, сибирскими типографиями. Книге «История России в рассказах для детей», переизданной в Москве в 1994 г. с превосходными иллюстрациями русских художников разных поколений и рекомендованной для «Дома. Семьи. Школы», предшествует Слово Предводителя Российского дворянского собрания князя А.К. Голицына, назвавшего забытую А.О. Ишимову «первой русской детской писательницей», а ее «Историю» — «великолепным подарком и неискушенному, и взыскательному читателю» [4, с. 6—7].

Приведем страницы «Переписки Я.К. Грота с П.А. Плетнёвым», чтобы можно было судить, справедливо ли мнение князя Голицына.

Отметим, прежде всего, что Плетнёв 21 августа 1840 г. написал в Гельсингфорс: «Я ему (Квитке) писал о вас и сказал, что мы все с Александрой Осиповной должны составлять особое литературное братство» [5, т. 1, с. 26]. В столице Российской империи в 1840-е гг. и позже осуществлялись «субботы петербургские», т. е. приемные дни (вечера) у А.О. Ишимовой. Свои приемные дни были и у П.А. Плетнёва. Гости Александры Осиповны и Петра Александровича не только читали и перечитывали Кантемира, Ломоносова, Державина, Карамзина, Крылова, Пушкина, Жуковского, Боратынского, Вяземского, Дельвига, Гоголя, кн. Одоевского, гр. Ростопчина, гр. Сологуба, Тургенева, Фукидида, Вергилия, Овидия, Данте, Монтеня, Шекспира, Сервантеса, Вольтера, Руссо, Гюго, Жорж Санд, Дюма, Бальзака, Мериме, Тёгнера, Диккенса. Были среди гостей искавшие совета и поддержки у хозяев, да и сами хозяева нуждались в дружеском слове. Среди тех, кого, возможно, более других А.О. Ишимова хотела бы видеть у себя, безусловно, был Я.К. Грот, живший в Гельсингфорсе и регулярно посылавший письма в Санкт-Петербург своему другу, а с 1 августа 1840 г. и Александре Осиповне. 25 сентября 1840 г. он пишет П.А. Плетнёву: «... Провел два часа за чтением Истории Ишимовой. Какой, в самом деле, прекрасный дар у этой госпожи! Как она умеет — уж не говорю — рассказывать, а оживлять рассказ так, что не только ум, но непременно и сердце ребенка заинтересовывается. Вот с этим автором я бы желал быть знаком лично!» [5, т. 1, с. 68]. Ему очень хотелось, чтобы время позволило Александре Осиповне прочесть «его» «Фритиофа» (за перевод поэмы Тёгнера Грот приобрел тогда широкую известность в Швеции). Важно учесть: Яков Карлович Грот был человек, который считал: «Мы с каждым утром как бы снова родимся» [5, т. 1, с. 159]. 10 декабря 1840 г. в ответ на заметку Грота в журнале от 4 декабря — о том, что лектор русского языка при Александровском университете М. Акиандер «составляет по-шведски краткую русскую историю по Карамзину и Устрялову», Плетнёв говорит: «Скажите Акиандеру, что стыдно составлять учебную книгу Русской истории без пособия истории Ишимовой. Устрялов не доставит ему столько фактов и притом свежих, интересных, собранных с умом и переданных со вкусом, как она. А теперь, когда и 6 часть кончена, тем более» [5, т. 1, с. 163]. Отметим, 15 августа 1841 г. Грот сообщил Плетнёву, что свою первую лекцию на шведском языке он прочел Грипенбергу, а также о том, что последняя половина лекции есть вольный перевод из Устрялова. «После того я придумал разные способы для облегчения себя, — говорил Яков Карлович. — Систематические чтения об истории

намерен я сменять иногда переводными извлечениями и толкованиями из Карамзина или других русских исторических сочинений, с замечаниями об авторах и прикосновенных к ним частях литературной истории» [5, т. 1, с. 375]. 14 сентября 1841 г. Плетнёву, а через него и Ишимовой он передаст: «Я забыл сказать Александре Осиповне Ишимовой, что я о ее Истории уже на 2-ой лекции громогласно возвестил финским студентам при исчислении русских исторических сочинений» [5, т. 1, с. 395]. 21 октября 1841 г. Плетнёв доводит до сведения Грота: «Знаешь ли ты, что кончено уже печатание второго издания Истории Александры Осиповны. Советую тебе заглянуть в статью под названием: *Финляндия* (в царствование Александра I). Из этой статьи многое надо прочесть тебе своим финляндцам. Они порадуются, как русская дама говорит об их крае, о Рунеберге и их Гроте» [5, т. 1, с. 415].

Обратимся непосредственно к статье «Финляндия от 1808 до 1810 года (2 года)» — так называется страница из «Истории» Ишимовой в той ее части, которая посвящена 10-летию царствования Александра I. Следует знать, что летом 1842 г. Александра Осиповна с дочерью Плетнёва побывала в Гельсингфорсе, куда в июле 1840 г. ездил Плетнёв на празднование 200-летия Александровского университета и сообщал подробности в письмах Ишимовой. Текст о Финляндии начинается с описания красоты местоположения, добрых, простых и нравственных жителей, «представляющих приятное и редкое в Европе соединение», сходства народных песен (здесь впервые звучит имя Рунеберга) и оканчивается любопытными чертами из быта поселянина береговой и внутренней Финляндии, воспетого Рунебергом, с указанием переводчика его произведений — Грота. А.О. Ишимова процитировала отрывки из статьи поэта, переведенной Я.К. Гротом для «Современника» в 1840 году. Вводя мотивы Финляндского похода, она упомянула два имени: живших незадолго до нее графа Буксгевдена и Баркляя-де-Толли, но не Каменского, Багратиона, Раевского, Кульнева, Давыдова. Это «глава» не столько о походе (тема была чрезвычайно щекотливой), сколько о причинах завоевания Финляндии, «прелестной частицы нашей обширной России». Итак, внутри «Истории России в рассказах для детей» Ишимова выделяет историю одного из российских этносов — новоприобретенных финнов, подчеркивая бедственное их положение в начале XIX в., но не забыв сказать о Финляндии шведской, культуре

финнов, странным образом не произнося имен Лённрота, собирателя «Калевалы», и филолога Кастрена, которые образованная Россия тогда уже знала именно благодаря Я.К. Гроту. Авторская индивидуальность в отрывке «Финляндия от 1808 до 1810 года» сказалась в красочности речи.

Очевидно, что 2-е издание «Истории» Грот еще не прочел, когда писал Плетнёву после получения подарка от Ишимовой: «Ах, Александра Осиповна, какая добрая! Совершенно такая же, как во всяком рассказе. Когда я читаю их, мне кажется — она родилась, чтоб писать их, и если б не написала, не исполнила бы своего назначения. Желая знать, что ей подало к тому первую мысль; верно, сама природа» [5, т. 1, с. 425].

Однако через 10 дней, 14 ноября 1841 г., из Гельсингфорса раздается «строгая критика» Я.К. Грота: «Благодарю бесконечно Александру Осиповну за 2-ое издание Истории и Священную Историю. Оно очень красиво. На первый случай я не доволен главою о Финляндии. Она там говорит о путешествии Рунеберга, который никогда не путешествовал, говорит о Современнике, который будто бы лучший журнал, и о том, что я всего только перевожу

А.О. Ишимова

Рунеберга, как будто мои собственные статьи вовсе не касаются Финляндии. Но 1-ое и 3-е вовсе пустяки в сравнении со 2-м. С какой тут стати превеличенная похвала Современнику? Если бы он и был лучший журнал, то не сотрудникам говорить это. Он свое превосходство должен доказывать делом, а не словами, чем только может разлить своих противников» [5, т. 1, с. 432—433]. Плетнёв ответил Я.К. Гроту 21 ноября 1841 г.: «Повторю слова Пушкина, последние слова его в сей жизни, обращенные к Александре Осиповне: “вот как писать надобно!”» [5, т. 1, с. 439]. Позже, 7 июня 1842 г., Плетнёв добавит к портрету Ишимовой: «Она доступна всему трогательному, религиозна, человечна; но молодость и большой свет еще волнуют ее душу» [5, т. 1, с. 559]. Остается уточнить: через несколько лет, а именно 16 февраля 1844 г. Грот изменит свое мнение относительно лекций, о чем напишет Плетнёву: «В преподавании древней истории русской я сделал большое открытие, т. е. вместо того, чтобы хоть несколько придерживаться Устрялова, как я до сих пор делал, надобно, напротив, говорить все то, чего у него нет, и говорить совсем иначе. Лекция не должна походить на отрывок из учебной книги и, наоборот, учебная книга не должна сбиваться на лекцию. В «Истории» Александры Осиповны изложение ближе подходит к моей цели, но оно имеет свою

собственную, которая не служит моей, и потому я теперь решился приготовить лекции древней истории преимущественно по Карамзину, выпуская лишнее и переменяя иное: это тем более будет кстати, что я дошел теперь до Иоанна З. Распрю Василия Темного с Шемякою заимствовал я из Александры Осиповны, только дополнил и мотивировал ее рассказ, а у Устрялова об этом интересном времени только несколько сухих слов. Он все гонится за идеями, пренебрегая фактами, в которых они воплощались!» [5, т. 2, с. 185]. 23 февраля 1844 г. последовал ответ из Петербурга: «Я напротив не в выражениях нуждаюсь на лекциях, а единственно в готовности и изобилии материала, о чем говорить. Насчет различия Устрялова и Александры Осиповны я давно тебе говорил то, что, наконец, теперь ты сам открыл. И я думаю, что Акиандер не может по нашей истории произвесть чего-нибудь отличного...» [5, т. 2, с. 191].

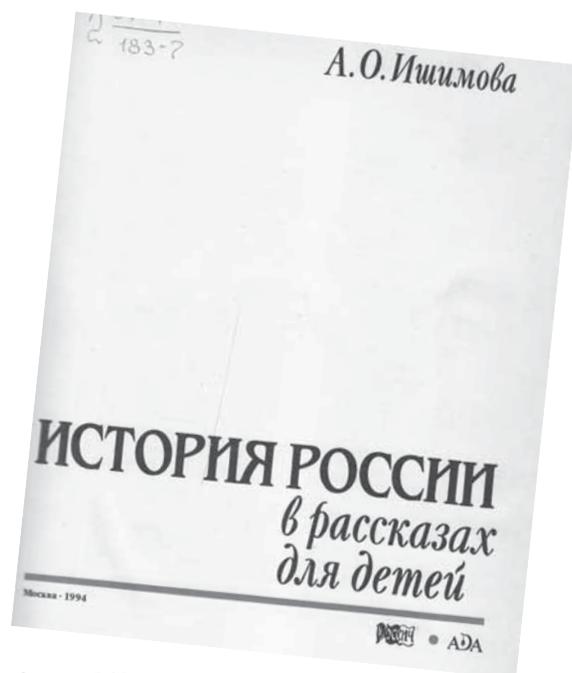
Любопытен эпизод с вопросом Грота к Плетнёву, возникшим во время «занятий Грота Державиным»: «Не можешь ли ты сказать, где найти речь, произнесенную Державиным 1774 г. от казанского дворянства Екатерине? В “Истории” Александры Осиповны есть оттуда отрывок. Не помнит ли она, где почерпнула это?» (1.11.1844) [5, т. 2, с. 347]. 11 ноября 1844 г. Плетнёв писал: «Александра Осиповна говорит, что у нее отрывок из речи Державина взят из Пушкина “Пугачевского бунта”, вероятно, из примечаний» [5, т. 2, с. 354]. 15 ноября 1844 г. Грот сообщил Плетнёву: «Я уже прежде прошел “Историю Пугачевского бунта” и увидел, что здесь только помещено письмо к Екатерине от казанского дворянства, а не речь, которой Пушкин, как сам сознается, не читывал и из которой нет отрывка и у Александры Осиповны» [5, т. 2, с. 357—358]. Что ж получается, не только комментарии Львова и Остолопова к Державину заслуживали «внимательной проверки»? Надо было предположить, создавая «Историю для детей», что когда-нибудь появится Грот. Из этой пикантной ситуации попытался выйти Плетнёв — не Александра Осиповна, написавший 22 ноября 1844 г. своему дотошному младшему другу: «Речи Державина видно уже не отыскать. Ранее, как здесь будешь, порасспросишь у стариков, в том числе и у Бороздина (вероятно, Плетнёв имел в виду сенатора Константина Матвеевича Бороздина, женатого на племяннице Державина, Львовой). Да, у нас еще не привыкли так уважать своих писателей. Ты дашь первый пример» [там же]. Далее в письме редактора «Современника», профессора словесности, академика, ректора главного университета Российской империи следует нечто несообразное заданной теме: «Посмотри, с каким пренебрежением говорит Белинский обо всех, живших до него, как будто он действительно рожден поглотить славу предшественников. А молодежь тому и рада: ни изучать никого не стоит, ни опасаться некого, чтобы заслонить дорогу к славе. Ты сам в старину потакал этому направлению отважной юности. Теперь не то. В тебе зреет сильная подпора истины и нравов» [5, т. 2, с. 361]. Заметим, речь о молодежи, которая, как известно, любила Белинского.

Что ж, Плетнёв сам дал направление — к Виссариону Григорьевичу Белинскому, одному из немногих современников своих, по отношению к которым он с завидным постоянством выказывал нетерпимость. Белинский не однажды писал статьи и рецензии на разные «Истории России», в том числе и для детей. Так, в статье «Русская литература в 1842 году» он откликнулся на новый детский журнал «Звездочка», издаваемый с того же года А.О. Ишимовой и посвященный «воспитанницам государынинных институтов» (Плетнёв). Однако заслуживает внимания его оценка только законченной Ишимовой «Истории России в рассказах для детей» из 6 частей, прозвучавшая в одной из январских рецензий 1841 г. о детской литературе в России. Он назвал эту «Историю» «прекрасным и общепользным трудом, прекрасным подвигом, важным для русской детской литературы» [2, с. 469]. Белинский писал в «Утренней заре»: «Дети имеют теперь полную историю России, представленную не в отрывочных фактах, но в прелестных рассказах...» [2, с. 470].

В 5-м томе «Полного собрания сочинений» В.Г. Белинского среди рецензий августа—ноября 1841 г. выделяется критический отзыв об «Истории России в рассказах для детей», сочинении Александры Ишимовой в 3-х частях, отпечатанном в типографии Е. Фишера. Вначале речь не о «недостатке собственном “Истории” г-жи Ишимовой», а о состоянии исторической литературы в России: «Едва успела выйти в свет последняя (шестая) часть “Истории России” г-жи Ишимовой, — как уже является второе издание всего сочинения. Причина такого успеха двоякая: у нас мало даже каких-нибудь, не только удовлетворительных историй России, доведенных до конца, а “История” г-жи Ишимовой доведена до смерти Александра Благословенного; потом, рассказ г-жи Ишимовой до того картинен, жив, увлекателен, язык так прекрасен, что чтение ее истории есть истинное наслаждение — не для детей, которым чтение истории, какой бы то ни было, совершенно бесполезно, потому что для них в ней нет ничего интересного и доступного, — а для молодых, взрослых и даже старых людей» [3, с. 484—485]. И далее то, что можно отнести не только к содержательной стороне книги и манере Полевого, но и Ишимовой: «Говоря о “Русской истории для первоначального чтения” г. Полевого, мы уже замечали, что обращения автора к “милым маленьким читателям” только портят сочинение, которое хорошо само по себе. История не существует для “детей”: она возможна только для возникающего сознания, которому становится возможным отвлеченное представление о народе, государстве и человечестве, как

идеальных личностях. Тем менее может быть интересна и понятна для детей частная история, чуждая общих элементов, со странными именами и действительностью, нисколько не похожую на современную. И не у дитяти закружится голова от непроходимой чащи Ростиславов и Мстиславов, от междоусобных браней, чуждых общего значения...» [3, с. 484—485].

Касаясь недостатков в «Истории» Ишимовой, Белинский отмечает: «Их не может не быть *довольно* (курсив авт.) уже потому, что русская история совершенно не обработана фактически и не озарена светом истинного уразумения в своем значении и характере. Доселе у нас меряют ее не русским аршином, а европейским футом: оттого она остается для нас более загадкой, чем для иностранцев. Так, например, наши историки и знать не хотят об *исторической перспективе*, о которой первый заговорил на Руси г. Каченовский. Для них первый период русской истории от предполагаемого Рюрика до Ярослава так же ясен, как период от Екатерины Великой до наших дней, — и они излагают его с такою же подробностью, как будто бы дело шло, например, о царствовании Александра Благословенного, как будто бы они сами жили во времена Рюриков, Олегов, Игорей и Святославов и все бывшее в ту эпоху видели собственными глазами. Оттого у них эти полумифические тени, эти полуисторические призраки говорят, чувствуют и действуют то как Карл Великий, то как наши современники, а общественные отношения представляются им столько же определенными и ясными, как последние известия в “Journal des Debats”» [3, с. 485]. Рассуждая далее о дисгармонии между частями повествования «у наших историков», у которых «История России до Петра Великого всегда обширнее последующей истории до наших дней,

Фронтиспис и титульный лист издания [4]

тогда как история до Петра Великого должна относиться к истории этого величайшего монарха, как предисловие или введение в сочинение относится к самому сочинению», Белинский, по сути, указывает на нарушение «соответственности» между периодами русской истории у Ишимовой. Однако о «собственном недостатке» «Истории» Ишимовой он делает одно замечание: «это отсутствие колорита, которым бы отличалось одно царствование от другого». «По “Истории” г-жи Ишимовой царствование Анны Иоанновны ничем не ниже царствования Петра Великого, и характеры этих венценосцев одинаково велики, а царствование Елизаветы Петровны ничем не ниже царствования Екатерины Великой, — подчеркивает Белинский. — Правда, г-жа Ишимова не только не говорит этого, но, напротив, осыпает особенными похвалами Петра и Екатерину, но непосредственное впечатление ее рассказа не дает чувствовать никакой разницы между упомянутыми монархами и монархинями» [3, с. 486].

Вежливый, все понимающий Белинский завершил рецензию на второе издание книги г-жи Ишимовой «в трех четко, опрятно и красиво отпечатанных компактно (сжато)» частях следующей оценкой: «“История” г-жи Ишимовой — важное приобретение для русской литературы: так богато сочинение (слово, которое не терпел Плетнёв. — *Примеч. авт.*) ее другими достоинствами, между которыми первое место занимает превосходный рассказ и прекрасный язык, обличающие руку твердую, опытность литературную, основательное изучение предмета, неутомимое трудолюбие. Рассказ есть одно из главнейших достоинств историка: мало того, чтоб верно излагать факты и события, — надо, чтоб эти факты и события непосредственно запечатлевались в уме и воображении читателя, а глаза его видели не одни буквы, но и картины. В этом отношении г-жа Ишимова обладает необыкновенным талантом» [Там же].

Итак, если принять во внимание суждения знаменитых ученых и критиков из Санкт-Петербурга и Гельсингфорса, «История» А.О. Ишимовой, которой сегодня 170 лет, — любопытное явление русской литературы рубежа 1830—1840-х годов. Не забудем, в 1852 г. Ишимова была удостоена за нее Императорской Академией наук полной Демидовской премии. «История России для детей» — еще одно доказательство того живого интереса к отечественной истории, какой проявили русские люди в период 1838—1848 гг., справедливо названный Анненковым «замечательным десятилетием» [1]. Кроме того, «История» — немаловажный, весьма своеобразный памятник литературы, по которому можно изучать особенности живого разговорного языка той эпохи.

Через 130 лет после ухода А.О. Ишимовой, переиздавая ее «сочинение», следует, с учетом переписки и рецензий 1840-х гг., уникальных источников не только тем, проблем, образов, но и оценок, снабдить его сносками и ссылками, чтобы это издание, как надеялся князь А.К. Голицын, вынося свой вердикт «Истории» — «Согрего любовью к Отечеству», оказалось в «золотом фонде книг для детей и юношества», а также вошло в «анналы как исторической, так и искусствоведческой литературы» [4, с. 7].

Список источников

1. Анненков В.П. Замечательное десятилетие 1838—1848 // Вестн. Европы. — СПб., 1880. Т. 1. — С. 216—243.
2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. — Т. 4. — М., 1954. — С. 469—470.
3. Он же. Полн. собр. соч. — Т. 5. — М., 1954. — С. 484—486.
4. Ишимова А.О. История России в рассказах для детей / А.О. Ишимова. — М.: Россич, Ада, 1994. — 736 с.
5. Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетнёвым: в 3 т. — СПб., 1896.

Иллюстративный материал предоставлен автором статьи